

УДК 82-225=161.1. «18»

О.С. Кобринец

САТИРИЧЕСКАЯ МАСКА МИХАИЛА БУРБОНОВА В ТВОРЧЕСТВЕ ДМИТРИЯ МИНАЕВА

Дмитрий Дмитриевич Минаев (1835–1889) – поэт-сатирик, пародист, фельетонист, драматург, активный участник демократического революционного движения был одной из центральных фигур сатирической литературы второй половины 19 века. Он внес весомый вклад в русскую сатиру и пародию наряду с такими известными именами, как В. Буренин, Н. Добролюбов, А. Иволгин, В. Курочкин, М. Ломан, Н. Некрасов, И. Панаев.

Как известно, Дмитрий Минаев писал свои направленные на злобу дня стихотворения под более чем ста псевдонимами. Часть своих произведений пародист публиковал от имени литературных масок. Наиболее известны две из них: отставной майор Михаил Бурбон и Обличительный поэт, или Темный человек, Общий друг. Михаилу Бурбону Минаев приписал целый сборник своих поэм «Здравия желаю! Стихотворения отставного поэта Михаила Бурбонова» (1867), а от имени Обличительного поэта вышло несколько сборников: «Перепевы. Стихотворения Обличительного поэта» (1859), две части сборника «Думы и песни Д.Д. Минаева и юмористические стихотворения Обличительного поэта (Темного человека)» (1863, 1864) и «Евгений Онегин. Роман в стихах, сокращенный и исправленный по статьям современных лже-реалистов Темным человеком» (1866).

Цель данной статьи – рассмотреть творчество Дмитрия Минаева с позиций его литературной маски Михаила Бурбонова, в частности проанализировать пародии на псевдообличительную литературу, написанные от имени отставного майора-ретрограда и ура-патриота, выявить объекты пародий, охарактеризовать приемы достижения пародийного эффекта.

Литературная маска – это особая разновидность литературного псевдонима, один из литературных приемов. Тексты приписываются

вымышленному автору, которого писатель наделяет биографией, определенными человеческими качествами и литературной позицией. С точки зрения этой позиции, определяются литературные и политические ориентиры, в рамках которых творит вымышленный персонаж. Литературная маска освобождает писателя от условностей, расширяет границы творчества, открывает новые грани, дает возможность более свободно и смело выражать свои мысли в условиях цензуры, а порою является приличным способом реализовать собственную склонность к злоречию. Последнее, по мнению исследователей, находит подтверждение, например, в творчестве Зинаиды Гиппиус, которая любила писать язвительно-колкие критические заметки от имени Антона Крайнего.

Пожалуй, по праву самой удачной и широко известной литературной маской в русской литературе является маска-образ Козьмы Пруткова (1854), созданная братьями Жемчужниковыми (Алексеем, Владимиром, Александром) и их кузеном Алексеем Толстым. Вымышленного писателя Козьму Пруткова, перу которого принадлежали басни, афоризмы, колкие эпиграммы, стихотворения и даже драмы, многие читатели считают реальной личностью. В 1884 году вышло в свет Полное собрание сочинений Козьмы Пруткова с подробной биографией его и его родственников (отца и племянников) и даже его портретом. Неудивительно, что литературный образ-маска был воспринят современниками и последующими поколениями как реально существовавшая личность и талантливый автор. Литературная мистификация удалась.

Как показывает анализ творчества Дмитрия Минаева, использование сатирической маски было одним из излюбленных пародийных приемов писателя. Пародист создает определенный образ (в данном случае это образ глупого отставного майора), так сказать подставное лицо, от которого в фельетоне или статье ведется повествование. Под его именем Минаев публиковал не только отдельные пародии, но и целые статьи, фельетоны, рецензии в современных журналах («Искре», «Русском слове», «Современнике», «Гудке» (первые 14 номеров которого вышли под редакцией Д.Минаева), «Будильнике»,

«Отечественных записках», «Деле»), и даже выпустил сборник «Здравия желаю! Стихотворения отставного поэта Михаила Бурбонова» (1867).

На первый взгляд, читателю может показаться, что автор одобряет и разделяет мысли своего героя. Но этот образ не только не тождественен с авторским, но именно и служит основным объектом сатирического и пародийного разоблачения. Отставной майор стал неким оппонентом для самого пародиста, с которым он горячо спорит на страницах фельетонов. Все, что говорит или делает вымышленный персонаж, тупой, горделивый вояка, «бездарный стихотворец, навязывающий литературе казарменные порядки» [3, с. 37], искренне убежденный в своем непревзойденном таланте, должно восприниматься читателем с обратным знаком. В образе майора Бурбонова Минаев довел до логического завершения идейное и эстетическое кредо либерального обличительства. Эта литературная маска имеет «говорящую» фамилию. Интересен тот факт, что революционные демократы на конспиративном языке называли «Бурбонами» род Романовых. Поэтому Бурбонов – монархист, верноподданный [9, с. 16], приверженец существующего строя, и потому «обличение» в его исполнении не может приниматься всерьез. Образ майора Бурбонова – одна из наиболее удачных находок Минаева-пародиста. Полемика с вымышленным персонажем в фельетонах позволяла Минаеву предельно обнажать суть пародируемого явления. Так, например, В. Буренин отмечал, что маска Бурбонова – это «пародия на напыщенно-величавый и уныло-серьезный склад обличительной поэзии Розенгейма» [1, с. 487].

Такой же сатирический прием использовал и Николай Добролюбов в «Мотивах русской поэзии», создав образ-маску Конрада Лилиеншвагера – едкую карикатуру на «обличительную» и казенно-патриотическую поэзию. Прототипом вымышленного Добролюбовым персонажа стал предводитель либерального обличительства – М.П. Розенгейм. Немецкая фамилия «Лилиеншвагер» пародийно соотнесена с фамилией «Розенгейм» – Добролюбов заменил в ней «розы» на «лилии», а «дядю» (Oheim) на «шурина» (Schwager). У

Минаева же замысел относительно майора Бурбонова был гораздо шире: пародист не отождествлял свой персонаж исключительно с либерально-обличительной литературой. В «творчестве» Бурбонова будут встречаться и произведения «чистого искусства». Этим Минаев хотел продемонстрировать внутреннее родство различных жанров либерально-дворянской поэзии. Исследованию использования сатирической маски Бурбонова (и не только ее) для пародирования представителей «чистого искусства» мы посвятим отдельную статью.

Примечателен тот факт, что сатирическая маска Бурбонова, созданная Минаевым, была позаимствована и другими современниками поэта. Так, например, И.Н. Россинский, видный журналист 1860-х годов, автор острых полемических фельетонов и заметок, печатавшихся в «Искре», написал пародию «Камер-паж» [11], направленную против пьесы Кукольника «Гоф-юнкер». Одним из второстепенных персонажей он делает Михаила Бурбонова, поющего в пьесе стихотворения Вяземского. Это свидетельствует о реалистичности и притягательной силе созданного Минаевым образа, вобравшего в себя, помимо всего прочего, характерные черты бездарного стихотворца той эпохи, о его типичности и цельности.

Минаев как представитель революционных демократов резко отрицательно относился к так называемой «обличительной литературе», которая поощрялась властями и осуществляла критику общественных недостатков в дозволенных свыше пределах, не затрагивая самой основы существующего порядка вещей, сея вредные иллюзии в сознании читателей. Именно эта общественно-политическая позиция Минаева побуждает сатирика ввести образ Михаила Бурбонова в пародию «Литературные ополченцы» [6], разоблачающую псевдопатриотическую поэзию. Пародия написана в виде драматической сценки с подзаголовком «Опыт эпической поэмы». Действующими лицами являются Майков, Князь Вяземский, Розенгейм, поэты «майковского периода» (Татаринов, Семерихин, Козлов, Преснов) и персонаж-маска Михаил Бурбон. Действие происходит в 1854 году. Поэты собрались на берегу Невы с лирами и намереваются воспеть Русь и ее народ. В первом явлении на сцене

появляется Бурбонов и начинает с Майковым диалог о «самосознании народном». Последний заявляет о том, что, наконец, народ проснулся, пробудился ото сна: «В нас сердце русское сказалось! / Мы прозреваем наконец», и добавляет, что нам не следует равняться на Париж и Вену. Бурбонов разделяет мнение Майкова: «Еще бы! Что нам парижане! / Умней их жить теперь привык / Любой татарин из Казани / Иль из степей своих калмык» [6, с. 79].

Майков, продолжая свою мысль, ругает Европу, в которой «кровью и враждой сама земля напоена» и где «человека гордый гений зрел средь насильств и потрясений» [6, с. 79]. Бурбонов добавляет, что люди в Европе и не «созрели» вовсе и никакие Прудон или Мишле не могут сравниться с русским человеком [6, с. 79]. Во втором явлении к дискутирующим присоединяются Розенгейм, Вяземский и Расплюев (персонаж из пьесы А.В. Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинского»). Ругая англичан, Расплюев признается, что он ненавидит эту нацию, у которой «нет никакой нравственности: у них, сударь, всякий человек обучен боксу. Впрочем, и извинить их надо: ведь они потому такими и стали, что у них теснота, духота, земли по аршину на брата не хватит...» [6, с. 80]. Розенгейм, подключаясь к разговору, заявляет, что поэтому они «и лезут сдуру драться, / Вот и злобятся на нас». В свою очередь, Вяземский ругает турков и прославляет силу русского народа: «Что ни будь, а, супостаты, / Русских вам не пролотить». В конце Майков призывает поражать врагов «одних мечом, других сатирой», а Бурбонов называет его «литературным атлетом» и добавляет: «Право, нашей грозной оды / Пуще ядер и ножей / Испугаются народы...» [6, с. 80]. Сцену венчает всеобщий крик «ура», звон лир и бриллиантовый дождь, сыплющийся на поэтов майковского периода.

Майков написал стихотворение «Коляска», прославляющее Николая I и монархический строй. Этого Минаев, стоящий на демократических позициях, принять не мог. Фигура Вяземского в пародии также не случайна, поскольку в конце жизни его взгляды претерпели определенные изменения и поэт стал сочинять либерально-патриотические стихотворения. Данной драматической сценкой Минаев

дает читателю возможность «ознакомиться с серьезной, гражданской стороной литературной деятельности» указанных поэтов и отмечает, что Майков и Вяземский «не принадлежат к числу тех бесцветных лириков, которые только предаются «созерцательной цели» и бесцельному вдохновению» [5, с. 82]. Майков, Вяземский, Розенгейм предстают в сценке вместе с малоизвестными, бездарными, хотя и плодовитыми писателями, «поэтами майковского периода». Бурбонов, их «горячий приверженец», «восхищенный» талантом поэтов, «воодушевленных благородным чувством» защиты отечества, сравнивает их всеобщее пение с «русской «Илиадой» и решает «сделать хоть слабый опыт эпической поэмы», в которой каждый поэт говорит «только свои собственные слова». Минаев, отмечая «органическое родство», существующее между поэтами «майковского периода», призывает читателей не удивляться тому, что в пьесе они так «тесно общаются» [5, с. 54], и выступает «режиссером пьесы» [5, с. 77].

Пародия, представленная в виде драматической сценки, рассчитана прежде всего на читателя, а не на зрителя. В ней поэт использовал несколько своих излюбленных приемов. Во-первых, это персонаж-маска Михаил Бурбонов, который, согласно замыслу Минаева, как бы объединяет и усиливает абсурдность и поверхностность творчества пародируемых поэтов и писателей. Как видим, Минаев при помощи «восхищенных» комментариев Бурбонова подливает масла в огонь и, с одной стороны, пытается мистифицировать читателя, но в то же время, эти чрезмерно льстивые похвалы из уст солдафона способствуют обратному эффекту – заставляют сомневаться в их искренности и заслуженности. В этом случае работают такие приемы создания пародийного эффекта, как гипербола и ирония.

Во-вторых, это введение в произведение уже известного литературного персонажа (Расплюева) с целью большего вовлечения читателя в происходящее в пьесе. Уже созданные литературные образы использовал в своих драматических сценках и В. Курочкин. Во-вторых, пародийный эффект достигается буквальным цитированием, т.е. вкладыванием в уста персонажей-поэтов строк из их собственных произведений. При этом происходит их

переосмысление в новом контексте. Так, например, реплики героев пародии взяты из их стихотворений: Розенгейма – из стихотворения «1 января 1854 года», Майкова – из «Памяти Державина», Вяземского – из цикла «Дунайские песни», «К ружью!», Расплюева – из «Свадьбы Кречинского». Поэты саморазоблачаются, их собственные слова становятся оружием, направленным ими же против самих себя. Пародист высмеивает бессодержательность, бессмысленность, шаблонность творчества поэтов, потому их приверженец Бурбонов в самом начале сцены вообще теряет свою мысль и не знает, что сказать: «Простая мысль... мысль та... мысль та...» [6, с. 79]. В финальной реплике Бурбонова, обращенной к Майкову, где сказано о смелости Майкова, не боящегося «даже эпиграмм Щербины», содержится намек на эпиграммы Щербины, посвященные его казенно-патриотическим и реакционным стихотворениям, которые были восприняты поэтом как результат нравственного падения Майкова (наиболее показательными являются три: «Дилемма», «Теперешний Майков», «Льстивый раб, царем забытый...»).

В этом же фельетоне Минаев отмечает «изумительное сходство» Вяземского с Розенгеймом: «В разных углах России, в разное время они говорили точно в один голос, и каждая их песня, каждая мысль являлась с одною общей пломбой «Майковского периода». Пародия «Демократов с давних пор...» интересна тем, что имеет два «вторых плана», т.е. написана сразу на два произведения разных поэтов («Есть древняя вражда: к каретам – пешехода...» Вяземского и «Мера вам – судьбы превратности...» Розенгейма), и носит обобщающий характер [5, с. 86]. Здесь просвечивают традиции Добролюбова, максимально сжимающего содержание пародируемых стихотворений, и его тенденция к широкому обобщению, к демонстрации общности взглядов различных поэтов. Смысл пародии Минаева становится полностью ясным для читателя после комментария, в котором пародист говорит о том, что слово «демократ» неприятно для Розенгейма, а Вяземский вообще его «не может слышать без некоторой поэтической истерики» [5, с. 86]. Бурбонов, «разделяющий» их взгляды, придумал свою интерпретацию этимологии слова

«демократ», соотнося его со словом «демон», и «как витязь одной и той же школы» «вслед за двумя певцами» сочинил собственное стихотворение. Пародия до этого не анализировалась исследователями: «Демократов с давних пор, / Как мальчишек-ветрогонов, / Уважать не мог майор / Михаил Петров Бурбонов. / Унижению их рад / Он повсюду; – и за тем он, / Даже слово: демократ / Произвел от слова: демон» [5, с. 86]. Здесь пародия выполняет социальную функцию. В ней высмеивается антидемократическая, по мнению Минаева, «демоническая» общественная позиция поэтов, их мировоззрение и тот факт, что они видят только то, что хотят видеть, критикуют только то, что выгодно им и приверженцам монархии. Они подстраивают мир под себя так же, как это сделал с этимологией слова «демократ» отставной майор, намеренно её исказив. Смысл пародии, на наш взгляд, заключается в том, что такой маневр весьма опасен, его притянута и искусственность очевидны окружающим и очень зыбки. Поэтому Минаев впредь предостерегает поэтов-охранителей существующего строя от подобных поступков и дает повод задуматься.

В одной из предыдущих статей мы уже подробно анализировали творчество М.П. Розенгейма, наиболее яркого представителя либерального обличительства той эпохи. В его стихотворениях речь шла о мелких правонарушениях и общечеловеческих пороках (лжи, лести, равнодушии, подхалимаже). Минаев и его сторонники из демократического лагеря считали творчество Розенгейма фальшивым и обвиняли его в пустословии и псевдообличительстве, поскольку тот критиковал отдельные отклонения от нормы и не связывал их с социально-политической системой России в целом. Такие обличения создавали иллюзию, что борьба с общественными пороками возможна без коренных изменений в самом строе государства. С этой точки зрения цели статьи, нам интересны пародии Минаева, написанные от имени Михаила Бурбонова («Вильяму Шекспиру от Михайла Бурбонова», «Дуэт», «Жизнь наша вроде плац-парада...», «Литературные попытки Михайла Бурбонова»).

«Вильяму Шекспиру от Михайла Бурбонова» [5, с. 84] – пародия на послания Розенгейма к Лермонтову, написанные в 1840-1841 гг.,

но впервые опубликованные в сборнике стихотворений Розенгейма лишь в 1858 году. В фельетоне «Забутые уголки Парнаса» Минаев объясняет причину, побудившую его к созданию пародии. Как явствует из слов фельетониста, послание Розенгейма направлено против тех, кто отрицал весь уклад российской действительности – источник несчастья людей: «Г. Розенгейму пришла гениальная мысль распечь поэта-покойника за то отрицательное направление, которого он держался в жизни, и живой стихотворец распек мертвого самым положительным образом. Уподобив Лермонтова черепахе (Лермонтов – черепаха! не смелое ль сравнение?), г. Розенгейм гневается на него за то, что будто бы он «клеветал на жизнь», чем и «оскорбил дар прекрасный небес» [5, с. 84]. Приведем отдельные строки из стихотворения Розенгейма: «Без веры, Лермонтов, бесплодно и призванье: / Ни песен от души, ни искренней мольбы! / Да, страшно и тебя коснулось отрицанье, – / И духом ты упал в виду святой борьбы» [10, с. 135]. Далее, иронизирует Минаев, «Лермонтов если бы был жив, был бы очень благодарен своему неожиданному наставнику» за «весьма дельные советы» [5, с. 84].

От имени Бурбонова Минаев заявляет: «Хорошие мысли всегда заразительны, и я, как самый искренний поклонник литературных способностей г. Розенгейма, хочу сделать подобный опыт загробной корреспонденции и пишу послание... к Шекспиру» [5, с. 85]. Минаеву была совершенно очевидна подоплека стихотворения Розенгейма: укоряя Лермонтова в голом отрицании, в отсутствии положительных идеалов, он полемизировал с современными «отрицателями», т.е. радикально настроенной частью интеллигенции, к которой, несомненно, примыкал и Минаев. Это вызвало негодование поэта, который не смог простить Розенгейму и того, что, сочиняя свои «послания» Лермонтову, тот ставил себя на одну ступень с великим писателем и выше, позволяя себе наставлять и учить того уму-разуму. Пародийный эффект достигается уже в самом названии: никому не известный и бездарный Бурбонов осмеливается обратиться к классику мировой величины – Шекспиру, как Розенгейм к Лермонтову, с поучениями и наставлениями: «Любезный друг Шекспир, талантлив

ты, – не спорим, / Тебе соперников не часто я встречал, / Но все же, признаюсь, с большим смотрю я горем, / Какую ложную дорогу ты избрал» [5, с. 85]. Михаил Бурбонов то ли по наивности, то ли из-за своего невежества обращается к Шекспиру как будто к старому знакомому, «любезному другу» и обвиняет его в ложно избранном пути. А затем еще и укоряет в создании «не тех» образов: «Ты слишком горд, Шекспир, друзей забыл советы...»: «...какие-то Отелло да Макбеты, / Иль датский принц, спрыгнувший вдруг с ума» [5, с. 85]. А далее наставляет Шекспира, какие темы и сюжеты для творчества следовало бы выбрать: «Дай лучше драму нам, без всяких дальних споров, / Военный быт рисуй, жизнь лагеря раскрой, / Где б на коне скакал великий наш Суворов / И манием руки за строем двигал строй. / Ты вместо Дездемон, Корделий и Офелий, / Без деклараторских ходулей и прикрас, / На сцену выведи Ефремовских камелий – / Тогда, тогда, Шекспир, прочтут тебя у нас» [5, с. 85]. Замечательным женским образам, созданным Шекспиром несколько столетий назад, Минаев противопоставляет «камелий», т.е. девушек легкого поведения. Ефремов – содержатель танцкласса в Петербурге; танцклассы, расплодившиеся в то время, были к тому же домами свиданий [8, с. 343]. Пародийность достигается здесь не только утрированием, преувеличением или сравнением высокого, вечного и ничтожного, но и самой лексикой и синтаксисом. Минаев, имитируя язык служаки, разговорный синтаксис («тебе б все», «дай лучше нам»), вводит простонародное выражение – «принц, спрыгнувший вдруг с ума», и этим разрушает сразу ореол так торжественно и почтительно начинавшегося стихотворения-обращения. Проведенная параллель между Шекспиром и поучающим его Бурбоновым, с одной стороны, и Лермонтовым с Розенгеймом – с другой, показывала абсурдность советов бездарных стихоплетов.

В одной из предыдущих статей [2] мы подробно анализировали данные пародии на Розенгейма («Дуэт», «Литературные попытки Михаила Бурбонова», «Жизнь наша вроде плац-парада...»). Но поскольку они представляют большой интерес с точки зрения

использования сатирической маски Бурбонова, то мы вкратце остановимся на их ключевых характеристиках.

В «Дуэте», или «Последнем дуэте», [5, с. 87-88] Минаев пародирует «Современную думу» Розенгейма. Пародия построена в виде диалога между самим Розенгеймом и литературной маской Минаева – Михаилом Бурбоновым. Комический эффект в «Дуэте» достигается буквальным цитированием оригинала (реплики Розенгейма взяты без изменений из его «Современной думы» [10, с. 26-29]) попеременно с «мудрыми» изречениями Бурбонова. Минаев укоряет поэта его же собственными словами, утрирует их. Чередуясь с еще более бессмысленными репликами Бурбонова, «мудрые изречения» Розенгейма приобретают откровенную абсурдность, а поэт предстает мнимым обличителем. Пародист возмущен тем, что, выступая в роли обличителя пороков, Розенгейм всю вину за народные беды возлагает исключительно на сам народ, оставляя без внимания социальные условия жизни.

Минаев не преминул нанести укол и «профессиональным» качествам Розенгейма: «Если ты по призванью совсем не поэт, / Но его только носишь ты сан, / Не сердись на людей, что твой каждый куплет / Им ужасней, чем сам кукельван» [5, с. 88]. Это был уже открытый выпад против профессиональных качеств и поэтических возможностей Розенгейма. Пародист откровенно смеялся над ним, сравнивая его «куплеты» с кукельваном – растением, семена которого использовались как отравы для рыб. Пародия Минаева оказалась действенной, и Розенгейм не включил «Современную думу» в свое следующее издание стихотворений в 1864 году.

Контрастное сочетание армейской лексики и избитых штампов любовной лирики, примитивные рифмы способствуют созданию комического эффекта в пародиях «Литературные попытки Михайлы Бурбонова» [4, с. 14], написанных на цикл произведений Розенгейма «Соседка» [10, с. 177-188]. Минаев высмеивает низкопробное вульгарное сочинительство, пошлую эротику и заурядные лирические излияния сродни представителям «чистой поэзии». Примечательно, что к своим «творениям» Бурбонов прилагает эпиграфы из

оригинальных стихотворений Розенгейма, демонстрируя таким образом сам «второй план».

«Жизнь наша вроде плац-парада» [7, с. 35] – пародия на стихотворение Розенгейма «Не вспоминай о бурном прежде...» (1858), в котором автор советует читателю покорно принимать судьбу, сравнивает жизнь со службой в армии – что прикажут, то и делай без лишних вопросов: «Иду <...> не разбирая, / В ведро иль дождь пришлось идти; / <...> Иду, куда ни поведет» [10, с. 230]. Минаев, разумеется, не мог пропустить такого «колоритного» произведения, тем более что тема армии как нельзя более была по душе его вымышленному персонажу. Пародия продолжает цикл солдафонских литературных изысков Михаила Бурбонова. В ней изображен солдат, ищущий привал в походе и покоряющийся воле старшего по чину. Сравнивая жизнь человека с плац-парадом и с маршированием, пародист предостерегает читателя от того, чтобы настоящая жизнь не была загнана в определенные рамки, установленные инспектором, чтобы люди не были похожи на послушных рекрутов, тупо вытягивающих носок и беспрекословно исполняющих приказы начальства, как советовал Розенгейм. В этой пародии Минаев предстает человеком, высоко ценящим человеческую свободу – свободу выбора, воли, мнений, разоблачает чуждые ему общественно-политические взгляды.

Таким образом, анализ шести пародий Минаева на либерально-обличительные и казенно-патриотические стихотворения его современников позволил установить способы достижения пародийного эффекта и выявить роль литературной маски Михаила Бурбонова. Для дискредитации псевдопатриотизма и либерального обличительства Минаев использовал следующие пародийные приемы: создание персонажа-маски (Бурбонова), введение известного литературного персонажа (Расплюева), наглядную демонстрацию «второго плана» пародий в качестве буквального цитирования оригинала (в виде эпиграфов к пародиям или реплик в диалогах), их переосмысление и доведение до абсурда, противопоставление высокой и низкой лексики, саморазоблачение автора. В своих пародиях Минаев высмеивал реакционное содержание стихотворений, поэтическую

беспомощность, примитивность рифм, повторение азбучных истин и шаблонных фраз.

Литературная маска Михаил Бурбонов является собирательным образом писателей, литературное и политическое кредо которых было чуждо и неприемлемо Минаеву. Этот сатирический прием, с одной стороны, помогал ему обобщить творчество пародируемых поэтов и писателей, продемонстрировать его абсурдность и поверхностность, а с другой – позволял Минаеву более свободно выражать свою гражданскую и литературную позиции, а также служил способом избежать цензуры. Благодаря утрированию, гиперболе, иронии произведения вымышленного персонажа Бурбонова стали гораздо более известными современному читателю, чем собственные произведения Розенгейма, Бенедиктова, Вяземского, Майкова и пр.

Литература

1. Державин Н. Король рифмы / Н. Державин // Исторический вестник. – 1914. – № 8. – С. 477-517.
2. Кобринец О.С. М.П. Розенгейм в пародиях Д.Д. Минаева / О.С. Кобринец // Наукові записки ХНПУ ім. Г.С. Сковороди. Серія «Літературознавство». – Харків: ППВ «Нове слово». – 2015. – Вип. 3 (82). – С. 38-47.
3. Майорова О.Е. Минаев Д.Д. / О.Е. Майорова // Русские писатели. Биобиблиографический словарь. – М.: Просвещение, 1990. – Т. 2. – С. 35-38.
4. Минаев Д.Д. Литературные попытки Михайлы Бурбонова / Д.Д. Минаев // Искра. – 1863. – № 1. – С. 14.
5. Минаев Д.Д. Забытые уголки Парнаса / Д.Д. Минаев // Русское слово. – 1863. – № 1. – С. 53-91.
6. Минаев Д.Д. Литературные ополченцы / Д.Д. Минаев // Русское слово. – 1863. – № 1. – С. 78-81.
7. Минаев Д.Д. Резервные стихотворцы (Заметки и размышления отставного майора Бурбонова) / Д.Д. Минаев // Русское слово. – 1864. – № 6. – С. 27-42.
8. Минаев Д. Избранное / Д. Минаев; [сост., подгот. текста, вступ. ст., примеч. И. Ямпольского]. – Л.: Худ. лит., 1986. – 400 с.

9. Протасова М. Минаев – сатирик: автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.01.02 «Русская литература» / М. Протасова. – Алма-Ата, 1962. – 26 с.
10. Розенгейм М.П. Стихотворения / М.П. Розенгейм. – СПб., 1858. – 266 с.
11. Россинский И.Н. Камер-Паж / И.Н. Россинский // Искра. – 1865. – № 47. – С. 616.

Анотація

О.С. Кобринець. Сатирична маска Михайла Бурбонова у творчості Дмитра Мінаєва

Статтю присвячено проблемі дослідження літературної маски Михайла Бурбонова у пародійній творчості Д.Д. Мінаєва, зокрема в його пародіях на псевдовикривальну та казенно-патріотичну поезію другої половини ХІХ століття. У статті розглядаються шість пародій («Літературні ополченці», «Демократів з давнини...», «Вільяму Шекспіру від Михайла Бурбонова», «Дует», «Життя наше начебто плац-парад...», «Літературні спроби Михайла Бурбонова»), засоби створення у них пародійного ефекту, серед яких особлива роль відводилася літературній масці відставного майора Бурбонова. Вигаданий офіцер-автор є збірним образом поетів і письменників, яких пародіював Мінаєв. Таким чином сатирик в особі Михайла Бурбонова узагальнював їх творчість, демонстрував його абсурдність і поверховість, а також міг вільніше висловлювати свою громадянську і літературну позиції, уникаючи цензури. Крім цього Мінаєв використовував такі пародійні прийоми: перебільшення, гіперболу, іронію, буквальне цитування оригіналу, протиставлення високої і низької лексики, самовикриття автора.

Ключові слова: літературна маска, пародія, пародійний ефект, способи створення пародійного ефекту, поети кінця ХІХ століття.

Аннотация

О.С. Кобринец. Сатирическая маска Михаила Бурбонова в творчестве Дмитрия Минаева

Статья посвящена проблеме исследования литературной маски Михаила Бурбонова в пародийном творчестве Д.Д. Минаева, а именно в его пародиях на псевдообличительную и казенно-патриотическую поэзию второй половины ХІХ века. В статье рассматриваются шесть пародий («Литературные ополченцы», «Демократов с давних пор...», «Вильяму Шекспиру от Михайла Бурбонова», «Дует», «Жизнь наша вроде

плац-парада...», «Литературные попытки Михаила Бурбонова»), способы создания в них пародийного эффекта, среди которых особая роль отводилась литературной маске отставного майора Бурбонова. Вымышленный офицер-сочинитель является собирательным образом пародируемых Минаевым поэтов и писателей. Таким образом, сатирик в лице Михаила Бурбонова обобщал их творчество, демонстрировал его абсурдность и поверхностность, а также мог более свободно выражать свою гражданскую и литературную позиции, избегая цензуры. Помимо этого Минаев использовал следующие пародийные приемы: утрирование, гиперболу, иронию, буквальное цитирование оригинала, противопоставление высокой и низкой лексики, саморазоблачение автора.

Ключевые слова: литературная маска, пародия, пародийный эффект, способы создания пародийного эффекта, поэты конца XIX века

Summary

O.S. Kobrynets. Mikhail Burbonov's satiric mask in Dmitry Minaev's works

The article deals with a study of Mikhail Burbonov's literary mask in parody works of D.D. Minaev, namely in his parodies on falsely accusative and pseudo-patriotic poetry of the second part of the XIX century. The article studies six parodies («Литературные ополченцы», «Демократов с давних пор...», «Вильяму Шекспиру от Михайла Бурбонова», «Дуэт», «Жизнь наша вроде плац-парада...», «Литературные попытки Михайла Бурбонова»), means of creation of parody effect, among which a special place was devoted to the literary mask of the retired major Burbonov. The fictional officer-writer is a collective character of poets and writers that Minaev parodied. In this way the satirist summarized their works in the character of M. Burbonov, demonstrated its absurdity and superficiality as well as was able to express more freely his civic and literary position without censorship. Besides Minaev used the following parody techniques: exaggeration, hyperbole, irony, literal quoting of the original, opposition of high and low vocabulary, self-exposure of the author.

Key words: parody, parody effect, literary mask, ways of parodic effect creation, poets of the end of the XIX century

Інформація про автора

Кобринець Ольга Станіславівна – ORCID: 0000-0002-0704-3682; кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов та перекладу Харківського національного економічного університету імені С. Кузнеця; проспект Науки, 9-а, м. Харків, 61000, Україна